

«МЯТЕЖ» В ДУМЕ

Поспешность, с которой царь покинул армию и уехал в Москву, объяснялась тем, что его жена ждала ребенка. Возвращение победителей в Москву сопровождалось триумфом. Царь въехал в столицу на коне, в полном воинском доспехе, посре-

ди блестящей свиты. Ликующая толпа ждала Ивана в поле за городскими стенами и провожала его до кремлевских ворот. «И старые и юные, — писал летописец, — вопили великими глазами, так что от приветственных возгласов ничего нельзя было расслышать».

Когда у царицы родился сын, Иван поспешил в Троицу, где монахи окрестили младенца и нарекли его Дмитрием. Едва кончилась зима и наступили первые весенние дни, Иван занемог «тяжким огненным недугом». В случае кончины царя трон должен был наследовать младенец Дмитрий. Его именем во дворце распоряжались дядя царевича бояре Романовы.

Официальная летопись, составленная при Адашеве, обрисовала ситуацию с помощью библейской цитаты: «Посети немощь православного нашего царя... и сбытся на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». Адашев явно желал предать забвению «вся злая и скорбная».

Летописная версия не удовлетворила Грозного, и он составил обширную приписку к Лицевому (иллюстрированному) своду. Ее можно условно озаглавить как «Сказание о мятеже».

Версия царя была такова. Ближняя дума принесла присягу на имя наследника 11 марта 1553 г. Общая присяга всех членов думы была назначена на следующий день. Церемонию проводили в Передней избе, куда царь выслал князя Владимира Воротынского и Ивана Висковатого с крестом. Торжественное начало омрачилось тем, что старший боярин думы князь Иван Михайлович Шуйский отказался от присяги: «Им не перед государем целовати (крест. — *Р.С.*) не мочно; перед кем им целовати, коли государя тут нет?» Протест Шуйского носил формальный характер. Руководить присягой мог либо сам царь, либо старшие бояре. Вместо этого церемония была поручена Воротынскому.

Выступив после Шуйского, окольный Федор Адашев обратился к думе со следующим заявлением: «Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичу Дмитрию крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братиею не служивати; сын твой, государь наш, еще в пеленицах, а владети нами

Захарьиным Данилу з братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды видели многия». Протест Федора Адашева дал повод для инсинуаций.

В письме Курбскому Грозный прямо приписал Алексею Адашеву намерение «извести» младенца царевича. Однако из его летописной приписки следует, что Алексей верноподданически и без всяких оговорок целовал крест Дмитрию в первый день присяги. Адашев-старший недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил недоверие Захарьиным. Выступление Федора Адашева отличалось большой откровенностью. Оно было вызвано глубоким раздором внутри Ближней думы.

Захарьины готовились учредить регентство царицы Анастасии (наподобие регентства Елены Глинской), с тем чтобы самим управлять государством. Однако высшая знать вовсе не собиралась уступать власть царице и ее родне.

В первоначальном тексте летописной приписки сразу за речами Шуйского и Ф.Г. Адашева следовало изложение «царских речей». Грозный будто бы обвинил бояр в том, что они хотят свергнуть династию. Видя растерянность Захарьиных, Иван IV предупредил их, что враги трона умертвят их первыми.

Царские речи, без сомнения, были вымыслом. Пораженный недугом, Иван не узнавал людей и не мог говорить. Но даже если бы он сумел что-то сказать, у него не было повода для «жестокости слова» и отчаянных призывов. Перечитав написанное, царь должен был заметить несообразность своего рассказа. Решив исправить дело, Иван дополнил рассказ словами: «Бысть мятеж велик и шум и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленичнику служити; и бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многия бранныя. И виде царь... боярскую жестокость и почал им говорити так». Теперь в «Сказании о мятеже» все стало на свои места. «Жестокое» слово царя выглядело как естественная реакция на «боярскую жестокость».

Помимо сведений о перебранке в думе, «Сказание о мятеже» включало сведения о тайном заговоре царского брата Вла-

димира. Старицкие ждали смерти Ивана и втайне готовились к захвату власти. В дни царской болезни князь Владимир и его мать вызвали в Москву удельные войска и демонстративно раздавали им жалованье. Верные Ивану люди потребовали объяснений, тогда Старицкие стали «вельми негодовати и кручиниться на них». В итоге удельному князю воспретили доступ в покои больного.

Брат царя вел себя вызывающе в день общей присяги 12 марта. Будучи приглашен во дворец, он наотрез отказался присягать младенцу-племяннику и даже угрожал боярину Воротынскому немилостью. Протест Старицкого не имел последствий. Подходящее время было упущено: все члены думы уже присягнули наследнику. Ближние бояре пригрозили Владимиру, что не выпустят его из хором, и принудили целовать крест поневоле. Мать претендента Евфросинья оказалась более упорной. Ближние бояре трижды ходили к ней на двор, прежде чем она согласилась скрепить крестоцеловальную запись княжеской печатью. Не очень смысленный, вялый юноша, прошедший раннее детство в тюрьме, князь Владимир не играл в событиях самостоятельной роли. Душой интриги была Евфросинья, обладавшая неукротимым характером и глубоко ненавидевшая царя Ивана. Она не могла простить племяннику и его матери гибели мужа и последующих унижений.

Многие знатные бояре выражали сочувствие Старицким. На то были свои причины. Боярская дума не желала учреждения регентства Анастасии Романовой. Сторонник Старицких князь Семен Ростовский заявил об этом в беседе с литовским послом, которого посетил вскоре после выздоровления царя. Ростовский жаловался, что «их всех (великородных бояр) государь не жалует, великих родов бесчестит, а приближает к себе молодых людей, а нас (бояр) ими теснит, да и тем нас истеснил, что женился у боярина у своего (Захарьина) дочер взял, понял рабу свою и нам как служить своей сестре?». Знать, пережившая правление Елены Глинской, недвусмысленно заявляла, что не допустит к власти вдову Ивана.

Подлинные документы — крестоцеловальные записи князя Владимира Старицкого 1553–1554 гг. — позволяют установить, что во время болезни царя мать князя и ее родня действительно собрали в Москве свои вооруженные отряды и пытались перезвать на службу в удел многих влиятельных членов думы.

Сторонники удельного князя толковали между собой: «Только нам служить царевичю Дмитрею, ино нам владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служитьи князю Владимиру...» Родственники Евфросиньи обратились к конюшему Ивану Петровичу Федорову. Но тот поспешил с доносом к царю и изложил ему содержание крамольных речей: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служитьи государю малому, и мы учнем служитьи старому — Володимеру Ондреевичу».

Фактически дело шло к государственному перевороту. Однако царь выздоровел, и династический вопрос утратил остроту.

В 1554 г. произошли события, напомнившие о недавнем кризисе. В Польско-Литовском государстве участие знати в избрании монарха считалось делом законным и необходимым. В Русском государстве князья и бояре, высказавшиеся за избрание на трон царского брата, знали, что их ждет суровая кара. Опасаясь разоблачения, некоторые из заговорщиков вознамерились бежать за рубеж. В числе их был боярин Семен Ростовский. Когда в Москву прибыло литовское посольство, он выдал послу важные решения Боярской думы и посоветовал не заключать мир с Москвой, поскольку царство оскудело, а Казани царю «не сдержати, ужжо ее покинет». Изменник просил посла предоставить ему убежище в Литве. Вскоре князь Семен снарядил к королю сына Никиту, с тем чтобы получить охранные грамоты на проезд через границу.

Пограничная стража схватила Никиту на литовском рубеже, и измена раскрылась. На суде боярин Ростовский сделал чрезвычайно важные признания относительно заговора Старицких.

Судебное дознание скомпрометировало многих знатных персон. Кроме родни Евфросиньи князей Щенятева и Куракиных, в заговоре участвовали бояре князь Иван Пронский, князь Дмитрий Немого-Оболенский, Петр Серебряный-Оболенский, Семен Микулинский, а также многие другие князья и дворяне, члены Государева двора.

Боярский суд вел дело весьма осмотрительно и осторожно. Судьи намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора княгини Евфросиньи и знатных бояр. Главными сообщниками Ростовского были объявлены княжьи холопы.

Осужденный на смерть князь Семен был выведен для казни на площадь «на позор», но приговор не был приведен в исполнение. По ходатайству митрополита Макария казнь была заменена тюрьмой. Боярина отправили в заточение на Белозеро. Его вооруженную свиту распустили.

В беседах с литовцами боярин Ростовский поносил и оскорблял Захарьиных, имевших все основания настаивать на расправе с изменником. Если бы Захарьиным удалось добиться суда над Старицкими и их сообщниками, они могли бы изгнать из думы противников и упрочить свои позиции при дворе. Но их старания не поддержали ни руководство Боярской думы, ни духовенство.

После осуждения Ростовского, утверждал Грозный, Сильвестр с советниками «того собаку почали в велице бжеении держати и помагати ему всеми благами». Слова Грозного не были домыслом. Сохранилось утешительное послание Сильвестра к некоему опальному вельможе, история которого как две капли воды напоминала судьбу князя. Вельможа был «у смертного часа», лишился всего «стяжания», был отослан «в далечие страны». Священник советовал опальному не слушать тех, кто наущает «злословие и укорение износить на государя», «да не внидет в сердце твое... на государя хулен помысел и глагол неблагочестив». Сильвестр сообщил вельможе о том, что «умиловилася душа царская»: решено устроить князя помещицем и вернуть вотчинку, «а и вперед не оставит Бог слез твоих». В самом деле, Ростовский был возвращен на службу, а его сообщ-

ник князь Андрей Катырев, готовившийся вместе с князем Семеном бежать в Литву, был произведен в бояре.

Кровавые казни, произведенные по приказу царя в дни его юности, были забыты. Увлечение религией оказалось благотворным. Духовные пастыри успели внушить государю мысль о том, что помазанник Божий должен править милостиво. Наставления Пересветова насчет правления «с грозой» и сдирания кожи с изменников сочтены были несвоевременными. Теперь монарх открыто осуждал жестокость своих предшественников и считал мучениками погибших от их руки. Слова его находили живой отклик в сердцах князей, удостоившихся его дружбы. Один из этих друзей записал слова Ивана: «Аз от избиенных от отца и деда моего, одеваю гробы их драгоценными оксамиты и украшаю раки неповинные избиенных праведных».

Кого имел в виду «милостивый государь»? Осуждал ли он деда и отца за расправу с братьями, племянником, другой родней? Если государь и украшал гробницы, то скорее всего своей родни, похороненной в кремлевских соборах.

Максим Грек был одним из наставников самодержца. И он сам, и его ученики (одним из них был Курбский) выступали решительными противниками казней. Наконец Русь «утишилась при тебе от различные злобы, — писал Максим Грек Ивану, — славные князи и велможи възлюбят всякую правду, повинующеся твоим праведнейшим уставам и велением, взирающе на твое человеколюбнейшее изволение, якоже на доброту одушевленную и образ самыа Божественнаа благодисти». Христианский идеал доброго и праведного царя-човеколюбца приобрел на время реальную власть над помыслами Ивана.

Измену Семена Лобанова-Ростовского невозможно было скрыть, но Алексей Адашев позаботился о том, чтобы представить предательство случайным результатом скудоумия. В официальной летописи значилось, что князь Семен «хотел бежати от убожества и от малоумства, понеже скудота у него была разума».

Сильвестр использовал право «печалования» перед государем, чтобы окончательно предать забвению дело о боярском

заговоре в пользу князя Владимира. Старицкие вполне оценили услугу скромного придворного проповедника. Он стал частым советчиком у княгини Евфросиньи и завоевал ее «великую любовь».

В конфликте между Захарьиными и думой Адашевы приняли сторону боярского руководства, что благоприятно сказалось на их карьере. В ноябре 1553 г. Алексей получил чин окольничего, а его отец — чин боярина, не положенный ему по «худородству». Алексей Адашев упрочил свои позиции в Ближней думе.

Влияние Захарьиных резко упало. Данила Романов уже в 1554 г. был отстранен от руководства Большим дворцом. Василий Юрьев-Захарьин утратил чин Тверского дворецкого. Их родственник Иван Головин был изгнан из Казенного приказа. Сторонник Захарьиных Фуников потерял пост печатника и подвергся опале. Царица Анастасия пыталась заступиться за своих братьев, но нимало не преуспела в этом. В письме Курбскому Грозный упрекал бывших любимцев за то, что те «на нашу царицу Анастасию ненависть зелну воздвигше и уподобляюще ко всем нечестивым царицам». Неприязнь царицы к Сильвестру порождала взаимные обвинения и интриги. Священник сравнивал Анастасию с нечестивой византийской царицей Евдоксией, гонительницей Иоанна Златоуста.

Князь Андрей Курбский был среди тех, кто радовался посямлению царицы и ее братьев. В 1554 г. он наконец был пожалован в бояре.